

Н.А. Шапиро

«НЕОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ» ТЕОРИЯ НОВОГО МОДЕРНА

Рецензия на книгу: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.

В современный век инструментализма, признания частичности познания и его фаллибильности авторы книги «Глобальный капитализм: три великие трансформации» поставили перед собой непростую задачу: осуществить *социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества*, поскольку, по их мнению, пришло время выстраивания рационального дискурса «нового капитализма» [с. 20].

Как говорится в аннотации к книге: «В исследовании предложена неокapиталистическая теория, анализирующая эволюцию капитализма, взаимоотношения общества и экономики не только на протяжении последних столетий, но и под углом зрения тех событий, которые происходят в мире с 90-х годов XX века. Предложенная авторами методология позволяет прогнозировать дальнейшие пути развития глобальной цивилизации» [с. 2].

Чтобы понять, что такое «неокапиталистическая» теория, следует четко представлять, что такое «капиталистическая» теория. Существует ли капиталистическая теория?! Известны теории капитализма, имеющие место в рамках общегуманитарного дискурса XIX в., которые, как принято считать, ушли в буфер истории (но при необходимости всегда могут быть актуализированы). Причем теориями **капитализма** (!) можно считать те, которые онтологически представлены в рамках классовой институционализации, где актерами (действующими лицами) являются капиталисты и наемные рабочие (можно допустить еще земельных собственников, но это не принципиально). К таковым следует отнести теории политической экономии классической школы, марксизма, теории старой и молодой исторической школы и часть теорий американского институционализма*. Но это теории разных гносеологических оснований, вплоть до диаметрально противоположных по ряду признаков. Так какая же из них ляжет в основу «нео»?!

Если считать, что понятие «капитализм» суть понятие экономическое, то в так называемом неоклассическом мейнстриме нет ни капиталистов, ни наемных рабочих, его

---

* К сожалению, авторы рецензируемой работы не различают старый и новый институционализм и неверно трактуют их достоинства и недостатки. См. по этому поводу (Нуриев 1999).

акторы — продавцы и покупатели, производители и потребители. Неоклассическая теория выведена за рамки классовой институционализации, то есть имеют место принципиально иные онтологические основания, чем в теориях капитализма. Неоклассика — это теория рынка, а не капитализма. Онтологически из мира богатства она (теория) перенесена в мир хозяйствующего субъекта в многообразии моделей конкуренции.

Большинство современных теорий, активно развиваемых в XX в., были теориями рыночной, а не капиталистической экономики, несмотря на то, что номинально термин «капитализм» не выходил из употребления (см., напр., Шумпетер 1995; Уильямсон 1996; Старк 1996; Гелбрейт 1988 и др.).

Концепция капитализма через рынок наиболее отчетливо представлена в марксизме (К. Маркс «Капитал. Критика политической экономии»), если согласиться с тем, что понятия «рынок» и «товарное производство» тождественны. Марксизм категориально оперирует «товарным производством», а не «рынком». Приняв данное допущение, можно утверждать, что капитализм есть высшая форма развития рыночного производства/ «товарного производства», по Марксу. (Дискуссия о том, является ли «простое товарное производство», по Марксу, теоретической абстракцией или реальностью, велась в советское время, но единства мнений достичь не удалось). Логично заключить, что есть некие иные формы рынка — не высшие, а «нижние», «элементарные», «некапиталистические», «простые» и проч. Имеют также место модели капитализма, выделяемые по национальной специфике: американская, европейская, японская модель и пр. Проблема состоит в релевантном формулировании интересующих отличительных признаков.

Если же акцентировать внимание на том, что капитализм — это высшая форма развития рыночного производства, то его отличительными признаками, по Марксу, по отношению к иным формам рынка, в контексте прогресса будет колоссальный рост производительных сил, позволяющих производить, преумножать общественное богатство в недостижимых для прежних обществ масштабах, т.е. способствовать развитию национального производства. Не перераспределять мировое богатство в пользу той или иной нации за счет торговли, что тоже есть рынок, (но не высшей формы, без развития производительных сил), а преумножать национальное богатство на основе развития последних. (См. «Манифест Коммунистической Партии» К. Маркса и Ф. Энгельса). Рассматривая рынок в России на рубеже XX–XXI вв., можно смело констатировать, что он не развился в своей высшей форме как производство, а, наоборот, использовался для деградации производительных сил, расхищения, распродажи уже существующего национального богатства для личного обогащения определенных групп в обществе. Форма институциональной организации общества, и, прежде всего, роль такого института, как государство, проявилась в выборе способа использования рынка: будет ли он инструментом развития производительных сил или инструментом их деградации. Несмотря на то, что авторы сделали глубокий реверанс Марксу: «Мы не уделяем специального внимания теории капитализма К. Маркса, ибо это потребовало бы исследований в объеме отдельного тома» [с. 13], они ушли от анализа наиболее проработанной в истории социально-экономической науки концепции капитализма. Все же другие, безусловно, не менее интересные исследователи капитализма, использовали категорию «капитализм» как некий черный ящик, конвенционально согласившись с тем, что капитализм есть важный для понимания современности институт, подобно тому, как «деньги имеют значение» — по М. Фридмену, но что это такое — не обсуждается. В центре рассматриваемых исследований были либо культурные традиции, либо экономическая антропо-

логия, либо экономическая история, политика, религия, право и пр., т.е. изучалась среда обитания капитализма (что является каноническим правилом старого институционализма), а не его внутренняя организация, понимаемая, прежде всего, как организация экономическая, а не какая-либо иная.

Поэтому принять тезис о «неокапиталистической теории» можно как некое пожелание — ну почему бы и нет! Но приставка «нео» ничего не дает для исследования и объяснения современности, если сама «капиталистическая теория» не представлена авторами каким-либо явным образом.

Название книги направляет читателя на то, что авторы стремятся к некому упорядочиванию форм, направлений и этапов развития капитализма, поскольку, согласимся, что существует проблема «неразличимости фаз развития капитализма».

Здесь представляются важными два момента. Первый момент. Можно заняться упорядочиванием самих теорий, что является занятием полезным, но не в плане познания предмета (в данном случае капитализма как реального явления), а в образовательных целях, чтобы лучше подать и усвоить информацию о теориях. Второй момент состоит в том, чтобы углубиться в противоречивость подходов в определениях, здесь следует «копать» в реалиях исторических и действительных практик капитализма, а не пересматривать известные теоретические подходы сами по себе, изучать факты реальности, которые бы опровергали существующие теории и подтверждали бы новые (если таковые формулируются). Не только и не столько правила логики являются в данном случае аргументом, а факты истории, но новых фактов в книге не приводится.

Поскольку теория объясняет жизнь, а не жизнь протекает по теории, то действительная ясность наступает тогда, когда логическое рационально отражает историческое. В противном же случае теория движется сама по себе (и возникает вопрос: а теория ли это!?), а жизнь сама по себе, не познанной и необъяснимой.

Авторы книги погружают читателя в анализ преимуществ и недостатков тех или иных теорий и полагают, что если мы узнаем еще несколько новых, то ситуация с пониманием капитализма и его этапами развития будет лучше. Думается, что это не так, если не наоборот.

Название работы «Глобальный капитализм: три великие трансформации» заставляет вспомнить работы К. Поланьи, чего авторы и не скрывают. Но Поланьи предлагает рассматривать экономику как встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений институт, для того чтобы расширить традиционную сферу сравнения (капитализм-социализм) с помощью экономической антропологии и экономической истории (Polanyi 1957). Такое расширение приводит Поланьи к выводу, что в разные исторические периоды место экономики в обществе было различным. Так, только при капитализме экономика образует особую сферу, противостоящую остальному обществу, и, соответственно, играет особую роль. В примитивных же и архаических обществах экономика погружена, встроена в само общество, там нет имманентных экономических институтов либо они не играют скольконибудь существенной роли. Социальные неэкономические институты, такие как родство, брак, возрастные группы, секретные общества, тотемные ассоциации и публичные торжества служат средством организации экономического процесса.

Элементы экономического процесса, находясь в единстве и взаимозависимости с другими элементами общества, образуют устойчивые комбинации, которые были названы формами интеграции. Доминирующие формы интеграции, по Поланьи, три: реципрокность (взаимообмен на натуральной основе, вытекающий из обстоятельств, существующих между родственниками и друзьями); редистрибутивность

(система перераспределения, т.е. переход части продукции, произведенной в обществе, в распоряжение центра, будь то главарь, вождь, деспот или верховная политическая власть) и рыночный обмен.

Возникновение той или иной формы интеграции обусловлено существованием определенных институтов, таких как одноуровневые организации (семья, племя, община), центр (верховная политическая власть) и рыночная система.

В любом современном обществе существует определенное сочетание этих форм и соответствующее доминирование одной из них, что и отражает ее специфику. Так, советская экономика представляет собой не централизованное управление, как считало большинство советологов и марксистов, а замаскированные рыночные операции. Поэтому следует определять современное общество через две его основные формы: индустриальный капитализм и индустриальный коммунизм. Однако такие результаты были критически восприняты даже советологами, в частности, Г. Гроссманом, который показывал, что советская экономика не маскирует рыночное хозяйство, а деформирует элементы рынка централизованным, административным управлением, уводя рынок на периферию хозяйственной практики, и, по сути, сводит действие рынка к нулю: «...Использование ценовых инструментов не только носит ограниченный и избирательный характер, но и служит главным образом дополнением к существующей структуре административного контроля над использованием ресурсов» (Grossman 1977: 166).

Если Поланьи полагал, что методологически неверно исходить из традиционного формалистского понимания экономики, оперируя понятиями капитализма и коммунизма для интерпретации реальных отношений, и что современное общество следует изучать, сравнивая его с доиндустриальными обществами, т.е. примитивными, архаическими, крестьянскими, то проблема в том, для кого какие различия существенны.

Авторы же сужают исторические рамки исследования, беря за точку отсчета только XIX в., и видят погружение общества в капитализм (как вид экономики). Это что — четвертая форма интеграции экономики и общества, (если развивать идею Поланьи)? Или иной конструкт, который не расширяет методологию экономического анализа, а наоборот, сужает, нивелирует все иные неэкономические признаки, кроме капитализма, полагая их неважными для анализа современных обществ?! Роль К. Поланьи и его исследования неясны.

В рамках поставленной проблемы — периодизации капитализма — предложено следующее решение. В развитии капитализма выделены три его Великие трансформации. Первая обеспечила генезис и классическую фазу, первую глобализацию и сформировала Первую либеральную современность (XIX в. — 1914 г.). Вторая великая трансформация — развитие капитализма между глобализациями — приходится на 1914–1990 гг., она сформировала Вторую организованную современность до начала 1970 гг. и ее дезорганизованную фазу в 1970-е. И Третья великая трансформация, с коротким всплеском либерализма, сменившимся Третьей современностью национальных государств различного типа.

Авторское решение отходит от сложившихся представлений об эволюционной теории, где есть некие периоды «нормального развития» — этапы, фазы и пр., а между ними переломные моменты, «точки бифуркации». В представленной периодизации одна трансформация наплывает на другую. «Изменения капитализма сочетают эволюционное развитие и прохождение точек бифуркации, ломающих траекторию. Различать эти два процесса — эволюцию и радикальных сдвигов — очень трудно» [с. 14]. (В качестве пояснительной иллюстрации приводится упражнение по преобразованию фигуры кота в пса). Но когда процессы эволюции и радикальных сдвигов

разделить очень трудно, то речь может идти только о том, что для разграничения выбраны неверные признаки. (В случае кота и пса существует визуальное сходство, но если взять другой признак, например, «голосовой», то кот идентифицируется звуками «мяу-мяу», а собака — «гав-гав». «Котопес» существует только в известном мультфильме, в реальной жизни такого существа нет. Невозможность визуального разграничения кота и пса свидетельствует об ограниченности способов сравнения и ошибочности признаков, взятых для выявления различий).

Проблема различимости, как правило, говоря словами известного литературного профессора Преображенского, существует в головах, а не в реальной жизни, не в объектах познания, а в способностях субъекта различать в них общее и особенное. Возможно, что нынешнее научное сообщество не способно на это, что не означает утраты принципиальной возможности такого решения.

Далее рассмотрим тезис авторов о новом модерне. «Наш анализ позволяет констатировать ... сворачивание глобализации, ... смену методологий, начинающуюся с констатации эклектичного состояния и иронии невнятного постмодернизма к внятному новому модерну как самого Запада, так и незападных стран» [с. 20]. Авторы подобным выводом не соглашаются с трактовкой модерна как определенного однообразия или единообразия, вызванного к жизни общностью условий его появления — развитием индустриального общества, общества, породившего массовое производство, стандарты, стереотипы и пр. Новое представление о модерне предлагается как некий усеченный вариант старого: общность условий развития, выразившаяся в глобализации, уйдет, а однообразие форм жизни — капитализм и его институты — восстановятся! Почему или для чего!? На каком основании или по какой причине?

Спору нет, что жить в условиях модерна «нового» или «старого», а особенно давать оценки, легче, чем без него, учитывая привычку «себя под Лениным чистить, чтобы плыть в революцию дальше...». Но вопрос о модерне и постмодерне не может быть решен «конвенциально», т.е. по соглашению или договоренности.

Следует отметить, что в литературе термины «модерн» и «модернизация» не всегда употребляются в «родственном» значении. Так, термин «модернизация» используется как синоним обновления, современности, а термин «модерн» — как некий методологический конструктор, отражающий наличие некоего общего качества, характеризующего современность, здесь модерн совпадает с термином «мейнстрим». Постмодерн — это утрата этого некогда общего свойства, признаваемого как определяющего время, период, этап, состояние.

То, что образ мира изменился в сторону многообразия, что он стал плюралистичным, признается повсеместно. Разница состоит в оценке данного многообразия, в его принятии либо нормой, либо отклонением от нее и, соответственно, в использовании разных метафор для определения данного состояния. Одни именуют его постмейнстримом, другие хаосом или кризисом порядка (формулировка зависит от эмоционального настроения и интеллектуальных предпочтений определяющего). Но бесспорно, что признание постмодерна логически отрицает мейнстрим или модерн — существование главного направления, утраты некоего основного и определяющего жизнь фактора, его прежней объединяющей роли. Можно сказать, что слово «пост» — это обозначение состояния, когда новое еще не получило названия. Однако это новое необязательно будет новым модерном или новым мейнстримом, понимаемым традиционно как нечто однообразно характеризующее современность. Признание мейнстрима отрицает постмодерн, но признание постмодерна не означает, что он обязательно завершится неким новым модерном, новым однообразием. Многообразие тоже возможно.

В данный момент общество постмодерна обретает свое собственное, идентифицирующее его имя — «инновационное» общество. Если трактовать инновации «макроэкономически» масштабно, то следует сказать, что признание инновации как перманентного фактора развития — это новое состояние экономической системы и общества в целом, признание растущего и усложняющегося многообразия.

Если речь вести о социальных инновациях, а не товарных и технологических, то они не насаждаются извне через импорт институтов (эпоха Петра I), или теоретическое заимствование (социализм по Марксу), или рынок в современной России по теории XVII в., они появляются в результате имманентных изменений, которые, созревая, могут преобразовывать систему изнутри, модернизируя, обновляя ее, способствуя проявлению национальной идентичности. Недаром говорят об инновационной модернизации обществ, когда хотят подчеркнуть национальный характер положительных результатов, достигнутых без заимствования и повторения уже известных практик, приемов и инструментов управления.

Революционный и эволюционный периоды по времени и назначению как бы меняются местами. Если ранее нормой была эволюция, революция воспринималась как «прорыв постепенности», то теперь нормой является революция, понимаемая как инновационное развитие, а его замедление — эволюция, воспринимается как застой, стагнация. Здесь можно провести параллели с концепциями развития науки Т. Куна и И. Лакатоса. По Куну, развитие науки происходит в «нормальные периоды», в рамках устоявшейся парадигмы, и прерывается в момент ее слома и становления новой. По Лакатосу, наука развивается в моменты критики старых научно-исследовательских программ и становления новых, а в рамках устоявшихся научно-исследовательских программ происходит их фальсификация.

Однако какой бы вариант эволюционизма ни прокладывал себе дорогу в социальном познании, главная проблема эволюционизма — объяснение перехода одного состояния в другое. Креационистское объяснение удовлетворяется философским метасмыслом, в котором нет проблемы перехода, философский метасмысл сам по себе все образует, проблема состоит в открытии такого метасмысла, в представлении его таким образом, чтобы он убедительно «все образовал» и объяснил. (В данном исследовании «креационистским» является распространение принципа «невидимой руки» за границы рынка: на развитие общества, морали, культуры и «иные виды саморегуляции» [с. 8]. Но и здесь есть нюанс. Принцип «невидимой руки» рассматривается, в частности, в экономических теориях, по-разному: одни считают его позитивным, другие нормативным (см., напр., Блауг 2004: 208–212). В последнем случае он не может быть принципом саморегуляции.)

Инновационное общество развивается перманентно, для этого созревают определенные материальные предпосылки или возможности, но это тема отдельного исследования. Государство, не способное воспринимать инновации, отсекает для общества современный путь развития, оно обрекает его на скачки от революции к революции, от слома одной системы к слома другой системы, лишает общество возможности обретения подлинной национальной идентичности.

Инновационное общество плюралистично по своей сути, формально допускает ситуацию, что «все возможно». Но, во-первых, это не предполагает автоматического императива действия, а во-вторых, не снимает проблемы моральной оценки всего того, что происходит, и того, что может произойти. Новые моральные ориентиры связываются не с прошлым — традицией, а с будущим: сегодня возможно и допустимо то, что не наносит ущерба будущему. Видимо, в таком контексте роли будущего предстоит переосмысливать мировоззренческие основания исторически сложив-

шегося типа развития современной цивилизации и постоянно осуществлять выбор новых национальных институтов. Реальное разнообразие является служанкой опыта традиций и фантазии (Дж. М. Кейнс). Сама природа такой идеи заставляет интеллектуальное сообщество пересмотреть традиционный способ мышления и ставит вопрос о приоритетах креативности.

Но как быть с глобализацией? Глобализация — это рецидив модерна в эпоху постиндустриального общества, становления инновационного общества, инновационной экономики, она (глобализация) есть главное препятствие на пути инновационного развития. Возможно, что чрезмерным, некритическим воспроизводством финансовых практик США следует объяснить нынешний экономический кризис. Поэтому сворачивание глобализации, то, что наблюдается сейчас, есть положительное явление, отрицание навязывания повторения, как некоего однообразия, сдерживающего национальное развитие. (При этом не следует смешивать согласованность в функционировании институтов и их однообразие в рамках национального развития).

Если быть сторонником модерна в значении «мейнстрима», то следует приветствовать, поддерживать и восстанавливать глобализацию. Если быть «против» глобализации, то не следует настаивать на модерне как типе развития по некоему общему образцу. Однако вывод авторов книги настолько туманен, что трудно однозначно понять, на чем они настаивают — на модерне, капитализме или глобализации: «Предложив концепцию трех великих трансформаций и трех типов современности, мы смогли убедиться в незавершенности проекта модерна, потенциале его развития и в определенной непредсказуемости будущего, потенциально содержащего варианты развития и возможности роста разнообразия» [с. 560].

Можно сказать словами авторов, что по отдельности в ней много верного [с. 520], а точнее того, что можно признать, восхвалять и цитировать, но трудно согласиться с тем, что из столь сложной и запутанной ситуации, «нынешней неразличимости фаз развития капитализма», смешавшихся причудливым образом «прежних и новых представлений о нем» [с. 19], выход видится в создании «неокапиталистической теории».

Однако чтение этой книги предоставляет читателю возможность поразмышлять на методологические темы, ставшие незаслуженно отодвинутыми в наши дни на периферию научного дискурса, о развитии науки и современном обществе, за что, безусловно, авторов стоит поблагодарить.

Литература

Блауг М. Методология экономической науки. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

Гелбрейт Дж.К. Капитализм и социализм в процессе перемен // Вестник Московского ун-та. 1988. Серия 6. Экономика. № 6.

Нуриев Р.М. Институционализм: вчера, сегодня и завтра // Вопросы экономики. 1999. № 1.

Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточно-европейского капитализма // Вопросы экономики. 1996. № 6.

Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

Grossman G. Price Control, Incentives and Innovation in the Socialist Economy // The Soviet Price Mechanism / ed. A. Abouchar. Durham, NC: Duke University Press, 1977.

Polanyi K. The Economy as Instituted Process // Trade and Market in the Early Empires / Ed. by K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. Glencoe, Ill.: Free Press, 1957.